

Л.А. Кутилова

ПРОБЛЕМЫ УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В УКРАИНСКОЙ СРЕДЕ В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КРАСНОЯРСКИХ ИСТОРИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

На материале украинских исследований в Приенисейской Сибири раскрыты этапы изучения проблем переселения и трансформации этнокультурной идентичности украинских переселенцев в Красноярском крае, основные вопросы, разрабатываемые в рамках этой темы, и результаты такого рода исследований. Публикация носит синтетический характер, связывая как историографическую, так и собственно историческую проблематику в рамках одной из тем сибирской украинистики. Сделан вывод об отсутствии комплексного исследования по истории украинских переселений и адаптации украинских переселенцев в Сибири в целом.

Ключевые слова: украинцы в Приенисейской Сибири; миграции; этническая идентичность; украинистика; история; историография.

Конец XX – начало XXI в. продемонстрировали всплеск исследовательского интереса к проблеме трансформации этнической идентичности в среде украинских переселенцев в Сибири, однако она нашла свое отражение главным образом в исследованиях по истории Западной Сибири и Дальнего Востока, Восточно-Сибирский регион в этом плане изучен недостаточно.

Одним из первых к украинской тематике среди красноярских исследователей обратился Иван Андреевич Прядко, сам по происхождению украинец, выпускник исторического факультета Томского государственного университета. Он родился в селе Переяславка Рыбинского района Красноярского края в крестьянской семье выходцев из Полтавской и Киевской губерний, которые в конце XIX в. поселились в Рыбинской волости Канского округа Енисейской губернии. Заинтересованность историей своей семьи, родной деревни и района привела Прядко к украинской тематике. Впрочем, в центре внимания его исследований всегда была именно локальная история и судьбы людей родного края. Иван Андреевич сформировался как классический краевед. В публикации «Из истории переселения крестьян в Енисейскую губернию (80-е гг. XIX в. – 1917 г.)» 1962 г. им был поставлен вопрос об украинском компоненте в составе переселенцев в Енисейский край [1].

Начало личной карьеры профессора И.А. Прядко было связано с работой в Госархиве Красноярского края, он возглавлял отдел использования и публикации документальных материалов, поэтому неудивительно, что документальные источники, материалы архива стали основой его работ по украинской тематике [1–5]. Иван Андреевич неизменно указывал на свое родное село Переяславку как на основанное украинцами в 1893 г. поселение в Канском уезде по обе стороны от тракта неподалеку от волостного центра села Рыбинское. В истории Енисейского региона оно стало одним из примеров компактного расселения украинских переселенцев в основном из Полтавской, Черниговской и Киевской губерний.

Обратившись к анализу переселенческих процессов столыпинской поры, на конкретном материале историк

сделал вывод о том, что украинские переселенцы второй волны практически не создавали собственных поселений, а приселялись в уже обустроенные украинские поселки [2]. По его подсчетам, только за 1906–1910 гг. в Енисейскую губернию из Украины переселилось 6 354 чел. мужского пола, а в период с 1890 по 1914 г. в Приенисейской Сибири было основано 50 населенных пунктов компактного поселения украинцев, получивших статус поселков, сел и даже ставших волостными центрами [5. С. 119–120]. В публикациях описаны хозяйственно-бытовые подробности процесса обустройства переселенцев на новом месте, сделан вывод о том, что обустройство на новом месте у украинцев шло по образцу старожильческих поселений Сибири [Там же]. Подчеркну, что исследовательский интерес профессора Прядко сформировали обстоятельства личного характера, тема в его публикациях представлена в краеведческом ключе, иногда скорее в популяризаторском, но тогда на рубеже 1990–2000-х гг. он выражал уверенность, что украинская тематика станет объектом для пристального исторического анализа следующими поколениями историков. В целом характер его работ – это скорее очерки по истории, первые попытки обратиться к украинской тематике и привлечь внимание исследователей к украинскому компоненту в истории переселений и освоения Сибири.

Тема была поддержана в публикациях одного из лучших региональных музеев в России – Мартыновского музея в г. Минусинске. Он был создан еще в 1877 г. и на сегодняшний день располагает уникальными коллекциями, является безусловным научным центром юга Сибири по изучению локальной истории. С 1990 г. здесь проходят Мартыновские краеведческие чтения, публикуются результаты деятельности сотрудников и специалистов по локальной истории, в том числе по истории переселенцев на юге Сибири. В работах Е.В. Леонтьева по истории Минусинского округа характерной чертой этнического состава региона признано наличие большой группы украинцев; после русских и аборигенов региона – хакасов – украинцы были

здесь третьей этноязыковой группой [6. С. 98]. Леонтьевым исследовано заселение украинцами именно юга Красноярского края. По мнению автора, начало процесса связано с появлением группы так называемых кавказцев – украинцев, выходцев из Курской губернии, которые после неудачных попыток поселиться на южной границе России ввиду немирного соседства с горцами вынуждены были перебраться в Сибирь и основали собственную деревню Кавказская в 1805 г. В последующем это поселение стало крупнейшим податным центром Минусинской волости. По данным исследователя, треть ее жителей носила украинские фамилии. В 1825 г. деревня получила статус села, в материалах ревизии 1859 г. отмечалось, что жители по преимуществу живут отдельно от русского старожильского массива [Там же].

Е.В. Леонтьев внимательно исследовал ревизские сказки, другие материалы ревизий, дела Минусинского волостного правления и описал не только процесс заселения региона украинцами, но также пофамильный состав жителей по данным метрических книг приходов, их брачно-семейные связи; рассказал о появлении элементов южнорусской традиции в регионе, например в сфере домостроения. Подробно изучил патронимы с украинскими корнями. Важным стало замечание автора, что в старожильском восприятии украинцы и русские из южных и юго-западных районов России обычно не различались, представляя как бы одну общность под названием «хохлы» [Там же]. О таком же отношении к выходцам из южно-русских губерний свидетельствуют примеры из Омского Прииртышья [7. С. 47]. Исследователь проанализировал внутреннюю мобильность населения в Енисейском регионе и пришел к выводу, что в Минусинском крае в первой половине XX в. столкнулись два миграционных потока: переселенцы из России (частично украинцы), выходцы из Пермско-Вятского региона и уральцы, формирующие первый поток, и выходцы из северных районов Приенисейского края, переселяющиеся в южные районы, формирующие второй поток. Анализ внутренних миграций позволил констатировать, что украинцы демонстрировали меньшую склонность к переходам внутри региона, чем старожилы, ввиду ограниченности ресурсов (рабочая сила, скот и др.), которые уменьшали потребности в захвате новых земель, поскольку именно это обстоятельство выступало стимулом внутренней сибирской мобильности [8. С. 101–103].

На сегодняшний день существует также целый пласт исследований сибирских ученых, в котором украинские переселения рассматриваются в общем ключе переселенческой политики Российского государства, что видело в Сибири главным образом исправительную колонию и ресурсный источник. Украинская тематика в таких работах рассматривается на фоне общей проблемы переселений и освоения Сибири, когда речь идет о характерных чертах процесса переселений, о численности переселенцев, о процессах обустройства на новом месте, о хозяйственной деятельности в

целом, о бытовых и культурных отличиях. Особенности миграций украинцев рассматриваются через призму общих, уже ставших классическими, выводов: резкое усиление украинского переселенческого потока исследователи связывают со стремлением решить проблему аграрного перенаселения в Европейской части Российской империи, главным образом на юго-западе, путем массовых переселений в Сибирь. Начиная с 80–90-х гг. XIX в. важнейшим катализатором признается строительство Сибирской железной дороги, в последующем – Столыпинская аграрная реформа [9–16 и др.].

Однако в отличие от исследований предшествующей поры в последнее время акцент делается на анализе механизмов адаптации на новом месте, на проблемах сосуществования межэтнических сообществ, их взаимодействия с государственной властью, речь в публикациях идет о сохранении этнической, соционормативной культуры, образования на родном языке. В процессе эволюции вектора исследований, которая связана и с концептуальным осмыслением этносоциальной ситуации в Сибири, и с накоплением документального материала, его систематизацией и вдумчивым анализом, появились исследования, посвященные полиэтническому переселенческому сообществу в целом, в которых выявлены общие принципы адаптации переселенцев к новым условиям. Чаще всего указанный процесс описывается без выделения собственно украинской линии, об украинцах речь идет наряду с немцами, белорусами, латышами, литовцами и др. [12, 15, 17].

В то же время выделяются некоторые особенности, касающиеся украинцев. Так, исследователь из Томска Л.И. Шерстова отмечает, что важнейшая проблема взаимоотношений с коренным автохтонным населением Сибири не была актуальна для переселенцев украинцев, поскольку они не сталкивались с ними, выбирая другие территории для вселения [18. С. 239–240].

Действительно, не имея опыта повседневного общения с таким населением, украинцы относились к нему с опаской, иногда с пренебрежением, и всегда старались выбирать места, где минимизирована возможность общения с автохтонами региона. Рассмотрено и подтверждено, в том числе и на украинском материале, утверждение о важности самоуправления в таком отдаленном регионе, как Сибирь, большие пространства которой диктовали необходимость предоставления переселенцам самоуправления [2–4, 6, 8, 12].

С другой стороны, не находит подтверждения тезис Л.И. Шерстовой о том, что переселенцы второй волны (начала XX в.), в том числе украинцы, испытывали страх перед необъятной неведомой страной и труднее вписывались в сибирскую природно-климатическую среду, сложнее приспосабливались к ней. Еще одна безусловная ошибка считать, что украинцы в значительной степени расселились в городах, работали на стройках и золотых приисках [19. С. 13], напротив, именно крестьянский характер украинского переселенческого потока является его важнейшей характеристикой.

Серьезную роль в формировании этнических групп в Сибири, проживающих как компактно, так и дисперсно, сыграли разного рода недобровольные и принудительные миграции первой половины XX в., например беженство, переселения в ходе «зачистки границ», волны массового раскулачивания, другие спецпереселения и т.д. Выяснение вопроса о том, в какой мере они повлияли на украинское сообщество в Сибири, является и сегодня актуальной, практически не исследованной темой. Так, этнический компонент в исследованиях красноярских историков о беженстве не выделен, в том числе из-за ограниченности статистических данных. Данные об украинцах действительно не могут быть полными потому, что особенности государственной статистики Российской империи приводили к использованию обобщающего термина «русские» как для украинцев, так и белорусов. Однако в работах А.Н. Курцева, В.С. Утгоф предпринята попытка хотя бы частично ответить на вопрос об этническом составе недобровольных мигрантов, например на основе сведений регистрационных карточек беженцев статистического отдела Татянинского комитета, которые составались в местах водворения [20, 21].

А.Н. Курцев утверждает, что «реальную картину этнической принадлежности эвакуированного населения рисуют сохранившиеся материалы первичной регистрации, которую в основном заполняли беженцы из полосы Юго-Западного фронта». Он использовал такого рода документы по Белгородскому уезду Курской губернии и пришел к выводу, что по состоянию на 1916 г. российские подданные украинской национальности здесь преобладали [20. С. 106]. Задача определения этнического состава мигрантов-беженцев в Приенисейской Сибири, выявления украинского компонента среди них, безусловно, сложная, но ее решение не только даст достоверную статистику, но и поможет определить качественные характеристики недобровольных мигрантов-украинцев. Примером работы такого рода может стать исследование В.С. Утгоф, которая на примере белорусских беженцев показала, что помещение их в другую этническую среду стало мощным фактором мобилизации этничности, основным признаком которого оказался родной язык [21].

Концептуальным выводом современных исследований по истории Сибири и ее колонизации в XIX – начале XX в., который касается украинцев, в первую очередь, стал тезис о том, что в стратегической перспективе политика власти ориентировалась на постепенную хозяйственно-культурную ассимиляцию разных этносов в Сибири, восприятие русской культуры и языка выступало в качестве императива российской государственности. М.В. Шиловский подтверждает, что «одним из последствий колонизации стала русификация самих переселенцев (украинцев, немцев, чувашей, белорусов, мордвы и др.) с утверждением общерусской идентичности» [16. С. 36]. Исследователь из Омска А.В. Ремнев, анализируя имперскую политику в

Сибири, не только соглашался с тем, что она имела целью «географии придать русскую физиономию» (Н.И. Надеждин), но продвижение за Урал рассматривал как целенаправленный процесс «конструирования империи» «однородным единоверным населением» [19. С. 8]. Описывая славянский мир Сибири, Ремнев отмечал, что «украинцы и белорусы, хотя и сохраняли довольно долго свой язык, черты бытовой культуры в условиях Сибири», будучи расселены среди по большей части русских переселенцев и старожилов, оказались более «восприимчивы к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, демонстрировали большую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности» [Там же. С. 13]. Документы зачастую подтверждают тенденцию, согласно которой население украинских анклавов в Сибири и на Дальнем Востоке переходило на русский язык, а к 1930-м гг. в большинстве случаев утратило этническое самосознание [22. С. 125, 161]; в то же время нужно подчеркнуть, что власть не предпринимала активных попыток насильственно ускорить этот процесс.

Другой характерной особенностью современного этапа изучения этносоциальных процессов в Сибири конца XIX – начала XX в. стало появление комплексных исследований по отдельным этническим группам, дисперсно расселенным в иноэтническом сообществе: немцам, прибалтам, евреям, полякам, белорусам [23, 24 и др.]. С сожалением приходится констатировать, что такого исследования по истории украинского сообщества конца XIX – начала XX в. нет не только в нашем регионе, но и в Сибири в целом.

Украинская тематика лишь частично нашла свое отражение в документальных публикациях. В 2007 г. в Красноярске был издан двухтомный сборник документов «Межэтнические связи Приенисейского региона» [22], который стал итогом 9-летней совместной работы красноярских ученых и архивистов. Авторский коллектив преследовал цель стимулировать научные изыскания историков, краеведов, студентов и школьников. В первом томе собран материал о коренных народах региона, о формировании межэтнических отношений в связи с приходом русских землепроходцев и др. Документы второго тома сборника повествуют о становлении советской системы национальных отношений, учреждений национальной культуры и образования и т.д. В годы войны и послевоенный период приоритетное внимание уделяется вопросам размещения беженцев и спецпоселенцев различных национальностей. Сборник документов был анонсирован как попытка документально представить всю палитру межэтнических отношений в регионе. Задача непосильная даже для шестистотстраничного двухтомника, поэтому равномерно показать национальную проблематику, тем более за большой временной период (начиная с XVII в.), не получилось. Документов по украинской проблематике немного: один – в первом томе, чуть

больше десяти – во втором. Они достаточно случайно отобраны из всего многообразия хранящихся в красноярских архивах и посвящены, например, недочетам в статистике национальностей (1928 г.); несколько документов содержат общий статистический материал по национальностям, рассказывают о процессе и результатах русификации в регионе (о нежелании открывать школы на украинском языке в украинских селах) несмотря на то, что «советская власть не ограничивает права нацменьшинств» [22. С. 47, 125, 128, 161 и др.]. Показательна «Выписка из протокола общего собрания граждан села Ольгина Уярского района Красноярского округа» (1926 г.) о решении не открывать школу на родном языке [Там же. С. 125]. Из документа ясно, что в селе Ольгино треть населения – украинцы. Власть спрашивает их согласие на открытие школы на родном языке, чтобы «дать полную возможность росту украинской нации». Но в постановлении речь идет о нежелании населения отделяться от русских и нежелании в связи с этим открывать собственную школу на родном языке. По данным исследователя И.В. Черказяновой, те же немцы в Сибири упорно сопротивлялись русификации и пытались всеми средствами и силами сохранить немецкоязычную школу [25].

Документы архивов Красноярского края хранят достаточно информации по разным аспектам украинской тематики, например 1920-х гг., когда активно в регионе работала украинская секция губотдела нацменьшинств, но эти документы редко привлекают местных архивистов и исследователей. Между тем внимательное изучение массива документальных источников позволит создать масштабную картину именно украинских переселений в Сибирь, проанализировать степень адаптационных возможностей переселенческого украинского сообщества, процессы адаптации к новым условиям в украинской среде через характеристику этапов, форм адаптации и факторов, повлиявших на развитие процесса, особенно в сопоставлении с другими переселенческими группами (сравнительный анализ), т.е. позволит выявить особенности процесса, имеющего следствием утверждение общерусской идентичности; подтвердить в целом (или опровергнуть) эту тенденцию, проанализировать, насколько прямолинейным был процесс русификации украинцев в Сибири, выявить роль насильственных рычагов в этом процессе, а также, например, роль церкви в нивелировании или сохранении этнокультурных различий в Сибири (при понимании того, что в иерархии идентичностей конфессиональность явно уступала национальному фактору).

Перечисленные исследовательские проблемы можно считать важнейшими в плане развития исторической украинистики в Приенисейской Сибири. Как отмечалось, алгоритм такого рода исследований уже апробирован с разной степенью успешности на примере других регионов или других групп переселенцев [23–25 и др.].

Также важно отметить, что исследование такого рода непременно должно носить интегральный характер,

используя возможности как социокультурного, этносоциального подходов, так и историко-этнографического (например, при анализе динамики адаптации важнейших компонентов в культуре жизнеобеспечения) и психологического подходов. Интересными в этом плане могут стать исследования историков Б.Е. Андюсева (Красноярск) и О.Н. Шелегиной (Новосибирск) о процессах адаптации русского населения Сибири, которыми выстроена и на конкретном материале проиллюстрирована многомерная модель адаптации русских в Сибири, и Приенисейском крае в частности, с тремя равнозначными составляющими – материальной, социокультурной и ментальной [26, 27]. Необходимо также подчеркнуть, что такого рода работа даст комплексное представление о жизни и быте украинцев в Сибири и станет вкладом в разработку проблем истории сибирской повседневности с учетом украинского этнического компонента.

Малоизученной, но, безусловно, важной является тема миграций советского времени, как принудительных, так и добровольных трудовых потоков (оргнаборы первых и послевоенных пятилеток). Переселения середины XX в. не были столь масштабны, как на исходе XIX и в начале XX в. Однако ссылка, безусловно, сказалась на росте славянских этнических групп в Сибири.

Дуализм идентичностей на Украине, на который указывает, например, А.И. Миллер, условное разделение на западных и восточных украинцев [28] отразилось в поведении групп украинских переселенцев конца XIX – начала XX в. и переселенцев 1930–1950-х гг. Протекание этнических процессов в этих последних группах украинцев – принудительных мигрантов – исследовано абсолютно не достаточно. Так, важнейшим фактором сохранения этнической границы в группах депортированных западных украинцев стал иной исторический опыт на протяжении веков. Их динамичная национальная жизнь в Австро-Венгрии, а затем в Польше, «навыки национальной мобилизации», по словам Миллера, которые усиливало униатское духовенство, фактор принудительного водворения в Сибири, репрессивный характер переселений, отрицательное отношение к советской власти играли этноконсолидирующую роль. Особенно спланивала антисоветскость. Например, именно украинцы были в числе инициаторов восстания 1953 г. в Норильлаге, которое может рассматриваться как один из примеров национальной мобилизации. Украинцы-спецпоселенцы демонстрировали также иную картину отношения к языку и традициям. Красноярский исследователь Е.Л. Зберовская отмечает, что при отсутствии сферы функционирования родного языка, репрессивных усилиях власти в отношении «неблагонадежных» главную роль в сохранении украинского языка стала играть семья: «Носителем этнокультурных ценностей, как правило, выступало старшее поколение» [29. С. 253].

Приспосабливаясь к суровым природным условиям Сибири, депортированные западные украинцы сохра-

няли свой язык и культуру. В сообществах репрессированных западных украинцев внутриэтническая сплоченность цементировалась также их религиозной принадлежностью к греко-католической церкви. Греко-католическая вера стала одним из главных маркеров этнического самосознания и стимулом защиты этнической границы, причем защищали ее особенно рьяно. Исполнение религиозных обрядов (крестины, венчание, похороны) способствовало консолидации группы и приобретало особый смысл. Большую роль играли священники как символы, персонифицирующие украинскую этничность.

Е. Зберовская отмечает: «В 1950-х гг. для переселенцев из Западной Украины исполнение религиозных обрядов (несмотря на запреты властей) воспринималось как способ национальной консолидации». В отчетах партийных руководителей сообщалось, что «отправление украинцами обрядов принимает форму массовых национальных действий» [29. С. 253]. Вполне резонно в этом плане рассматривать спецпоселенцев не только как виктимную группу, но как социоэтническую общность, способную к самоорганизации и консолидации на местном и региональном уровнях.

Принудительные миграции особенно отразились на составе населения северных территорий и Заполярного края Приенисейской Сибири, которые в значительной степени оказались заселены украинцами. «Подавляющее большинство раскулаченных были русскими, 1/3 высланных – с территории Украины», – подчеркивает томский исследователь Е.В. Карих. Она же отмечает, что «потомки этих переселенцев из Украины и Белоруссии... и сейчас помнят свое происхождение, но считают себя уже русскими» [11. С. 75].

Украинское и белорусское население в северных районах Приенисейской Сибири продолжало стабильно расти в 1970–1980-е гг.: процесс был связан с активным промышленным освоением региона, развитием металлургической и золотодобывающей промышленности (Норильский промышленный район). Изучение процесса формирования этнического облика самого города Норильска – также важная исследовательская задача, в составе жителей заполярного города всегда велико было число украинцев. После распада Советского Союза произошло почти наполовину сокращение доли украинцев на севере Азиатской России. Главной причиной стала обратная миграция, поскольку, по мнению Е.В. Карих, резерв, предоставленный аграрной колонизацией края, в 1970–1980-е гг. уже закончился. Однако экономическое развитие региона продолжает требовать квалифицированных рабочих рук, только, по верному предположению той же Е.В. Карих, «заселение севера будет продолжаться, но это уже не будет славянской и финно-угорской колонизацией. Значительную часть новых переселенцев составят народы Средней Азии, Кавказа, Китая и Кореи» [Там же. С. 85].

Важная роль в презентации анализируемой темы принадлежит сотрудникам красноярского краевого об-

щества «Мемориал». Среди собранных ими материалов значительная часть посвящена украинцам. Отмечу роль бывшего сотрудника музея Норильского промышленного района в г. Норильске А.Б. Макаровой, которая на стыке 1980–1990-х гг. начала собирать материал о восстании в Норильлаге. Норильчане покидали свой северный город и напоследок заходили в музей, записывали свои истории. Макарова начала сбор воспоминаний тех, кто участвовал в восстании и еще жил в 1990-е гг. в Норильске, записывала также воспоминания других жертв репрессий и их родственников. Впоследствии исследовательский поиск распространился далеко за пределы заполярного города. Исследовательница стала публиковать в местной прессе, главным образом в газете «Заполярная правда», свои заметки; затем вернулась к этой теме в 2003 г. Работа такого рода уже активно шла в других регионах России, на Украине, в других странах, но у Аллы Борисовны была возможность проводить исследование в архивах информационного центра УВД Красноярского края и в архивах соответствующего ведомства в Норильске. Эта работа помогла воссоздать историю не только Норильлага, но и других подразделений Краслага, где тоже велика была роль украинских групп. Макарова отмечала, что, по подсчетам бывшего узника Норильлага Б.А. Шамаева, в 3-м каторжном отделении Горлага почти 90% заключенных были украинцами, по свидетельствам самих участников восстания, в 6-м женском отделении Горлага украинки составляли 70% [30, 31].

Работа в специализированных архивах позволила исследовательнице восстановить хронику событий весной – летом 1953 г., в том числе в женской зоне Норильлага, фамилии участников переговоров с комиссиями из Москвы в июне 1953 г., подробности пересмотров приговоров и другие вопросы [32].

Женская тема Норильлага стала важнейшей для А.Б. Макаровой, она эмоционально и искренне писала о самоотверженности молодых девушек и женщин, не смирившихся с чудовищными условиями пребывания в заполярном крае.

Красноярский исследователь В. Сиротинин также воссоздавал биографии тех, чьи страницы жизни были связаны с Норильском. В лагерях на Енисее тогда горестно шутили, что если какая-то нация еще не представлена в Норильске, то ее нет в природе; украинцев же здесь было наибольшее число, они составляли костяк и контингента Норильлага, и восстания в 1953 г. Макарова подчеркнула тот факт, что в восстании в этом подразделении Гулага большую роль сыграли западные украинцы, которые никогда не жили при советской власти.

Отмечу также исследование В. Биргера, который анализирует политическую ссылку и другие принудительные миграции, в том числе с оккупированных территорий в ходе Второй мировой войны. Рассматривая социальный состав ссылки 1930-х гг., автор утверждает, что крестьяне преобладали, «но немало было тор-

говцев, учителей, инженеров, ремесленников... [при этом] по этническому составу преобладали, конечно, украинцы» [32].

Отдельно в депортационном потоке автор исследует историю так называемых украинских немцев из юго-западного Причерноморья. Эшелон с ними прибыл в Красноярск в декабре 1945 г., в составе украинских немцев было много собственно украинцев. Ссылка по указу 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников на отбытие наказания в ссылку на поселение в отдаленные места СССР», в числе которых назван был Красноярский край, также привела к увеличению украинского компонента в составе населения Приенисейского края. Речь идет о так называемой послелагерной ссылке, которая для многих из ссыльных «превратилась в вечное поселение».

Частично ссыльные из этапов, выгруженных в Красноярске, остались на местных лесозаводах. Других отправили из Красноярска или на юг в предгорья Саян (например, в труднодоступные поселки по р. Сисим), или вниз по Енисею в г. Енисейск и в «Ярцевский субрегион», который располагался по Енисею и его притокам вблизи села Ярцево. Это традиционное место ссылки называли Туруханским краем, причем население здесь настолько увеличилось за счет ссыльных, что власти вынуждены были образовать новый Ярцевский район. Многих оставляли в ссылке рядом с лагерем после освобождения из Норильлага: «...соответственно в Норильске, Дудинке, Курейке, Подтёсово, в совхозе (подхозе Норильлага) “Таёжный”, в Красноярске... Часть “освобождённых” узников Норильлага и Горлага отправляли в ссылку, как тогда говорили, “в тундру”: по таймырским посёлкам или в геологоразведочные партии» [Там же]. Причем автором не отмечены случаи отправки в ссылку из норильских лагерей за пределы Красноярского края.

Внимательно изучая потоки недобровольных мигрантов с оккупированных территорий в ходе Второй мировой войны, В. Биргер подчеркивает, что депортации иностранных граждан в данном случае нельзя определять по национальному принципу – «грубая ошибка говорить о “депортациях поляков”, “депортациях латышей” потому, что отряды депортированных составлялись по социальным признакам и “особенно по общественному положению”» [Там же].

Проведенный анализ публикаций в Красноярске и крае позволяет сделать вывод о слабом развитии украинской тематики в историческом исследовательском пространстве. Представляется, что связано это с разными факторами:

1. Свое влияние на состояние гуманитарного знания в регионе оказывает общая направленность научно-образовательного кластера – прикладная естественно-научная и техническая; гуманитарное образование и наука никогда не были приоритетными, достаточно вспомнить, что историческое образование в классическом университете берет свое начало лишь с 1999 г.

2. Красноярск выделяется среди сибирских городов – он промышленный, рабочий; это не Томск – «Сибирские Афины» и не Новосибирск с его Академгородком.

3. Слабость самого исторического сообщества, отсутствие крупных исследовательских школ, разобщенность на научно-образовательном пространстве, отсутствие прочной связи с другими историческими исследовательскими центрами также играют свою роль.

4. Ввиду наличия больших групп нерусского автохтонного населения главное внимание в этноисторических исследованиях в регионе всегда уделялось хакасам, ненцам, кетам, энцам и др. Переселенческие сообщества лишь в последнее время привлекли внимание историков, однако в первую очередь польские, еврейские, немецкие, но не украинские.

5. Близость региона с Китаем заставляет обратить внимание на огромный дисбаланс демографического потенциала России и Китая, на проблему китайской миграции на восток нашей страны и в том числе в Красноярский край. Неудивительно, что актуализируется востоковедная тематика работ, темы, связанные с историей и современным состоянием российско-китайских отношений и китайской миграцией.

Отмечу, что в последнее время акценты смещаются в сторону изучения миграций из стран Средней Азии. Славянская проблематика, напротив, уходит из исследовательского пространства. Выход в этой ситуации может быть найден в координации усилий с коллегами из Томска, Новосибирска, Омска; плодотворным может стать интегративный и междисциплинарный уровень совместного комплексного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прядко И.А. Из истории переселения крестьян в Енисейскую губернию (80 гг. XIX в. – 1917 г.) // К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX – нач. XX вв. : сб. ст. и док. Красноярск, 1962. С. 202–229.
2. Прядко И.А. Некоторые особенности переселения и землеустройства в Енисейской губернии в начале XX века // XX век : исторический опыт аграрного освоения Сибири. Красноярск, 1993. С. 95–99.
3. Прядко И.А. Переселение и обустройство украинцев в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX веков // Этнос Сибири. История и современность. Красноярск, 1994. С. 174–180.
4. Прядко И.А. Украинцы в Сибири : некоторые вопросы переселения, особенности культуры и быта украинской диаспоры // Славянский мир на рубеже веков : матер. Междунар. симпозиума. Красноярск : Изд-во КГУ, 1998. С. 14–18.
5. Прядко И.А. Украинская диаспора в структуре населения Приенисейского края : исторический аспект // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. 3. С. 117–125.
6. Леонтьев Е.В. К истории формирования украинского населения на юге Приенисейского края в XIX веке // Мартыановские краеведческие чтения : сб. докладов и сообщений. Минусинск, 2010. Вып. VI. С. 98.
7. Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX вв.) : историко-этнографические очерки / отв. ред. М.Л. Бережнова. Омск : ООО «Издатель-Полиграфист», 2002. 236 с.

8. Леонтьев Е.В. Переселения крестьян юга Енисейской губернии по материалам податной ревизии 1850 года // Мартыановские краеведческие чтения : сб. докл. и сообщ. Минусинск, 2010. Вып. VI. С. 101–103.
9. Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX – 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С. 74–93.
10. Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – XX в. // История СССР. 1979. № 3. С. 22–38.
11. Карих Е.В. Восточнославянские народы в процессе освоения Сибири // «Славянский мир» Сибири : новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск : Изд-во ТГУ, 2009. С. 51–105.
12. Коровушкин Д.Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2006. 200 с.
13. Миллер А.И. Русификация : классифицировать и понять // Ab imperio. 2002. № 2.
14. Сибирский плавильный котел : социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – XX века / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004.
15. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М. : Наука, 1978.
16. Шиловский М.В. Этносоциальные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX в. в современной историографии (1991–2004 гг.) // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность) : сб. науч. тр. Омск : Омск. ун-т, 2005. Вып. 3. С. 30–48.
17. Липин А.М. Славяне на Дальнем Востоке : проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994.
18. Шерстова Л.И. Факторы обострения межэтнических отношений в Южной Сибири в начале XX века // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. С. 239–240.
19. Ремнев А.В. Славянские народы как колонизационный ресурс имперской политики в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX начале – XX // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. 3.
20. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.
21. Утгоф В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
22. Межэтнические связи Приенисейского региона : в 2 ч. / под ред. Р.Г. Рафикова. Красноярск, 2007. Ч. 2.
23. Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха, 1995. Ч. 1–2.
24. Лоткин И.В. Прибалтийская диаспора в Сибири : история и современность. Омск : ОмГУ, 2003.
25. Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. – 1938 г.). М. : ОАНР, 2000. 308 с.
26. Андусев Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в. : опыт реконструкции. Красноярск : РИО КГПУ, 2004. 247 с.
27. Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX века. Новосибирск : Сиб. науч. книга, 2005. 192 с.
28. Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine>, свободный (дата обращения : 13.11.2014).
29. Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы из Западной Украины в Красноярском крае (1945 – начало 1960-х) : процесс социокультурной адаптации // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 5. С. 250–254.
30. Макарова А.Б. Эти имена достойны памяти потомков // Сайт «Красноярское общество “Мемориал”». URL: <http://www.memorial.krsk.ru>, свободный (дата обращения : 13.11.2014).
31. Макарова А.Б. Норильское восстание. Май – август 1953 г. // Сайт «Красноярское общество “Мемориал”». URL: <http://www.memorial.krsk.ru>, свободный (дата обращения : 13.11.2014).
32. Биргер В. Обзор ссыльных потоков и мест ссылки в Красноярском крае и Республике Хакасия // Сайт «Красноярское общество “Мемориал”». URL: <http://www.memorial.krsk.ru>.

Kutlova Larisa A. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: kutiloval@rambler.ru

PROBLEMS OF RESETTLEMENT AND UKRAINIAN ETHNO-CULTURAL TRANSFORMATIONS IN THE UKRAINIAN ETHNIC ENVIRONMENT IN YENISEI SIBERIA IN REGIONAL STUDY KRASNOYARSK HISTORIANS IN THE SECOND HALF XX – BEGINNING XXI CENTURIES.

Keywords: Ukrainians in Siberia; migration; Krasnoyarsk region; ethnic identity; adaptation; Ukrainian studies; history; historiography. The article analyzes the development of the theme dedicated to Ukrainian migration to Siberia, Yenisei adaptation of immigrants in the region, on the transformation of ethno-cultural identity in the Ukrainian resettlement environment, research scientists of Krasnoyarsk. Problems of Ukrainian migrations, adaptation of immigrants and the preservation of ethnic and cultural identity are considered in the historical and historiographical manner. Collect and systematize material on the history of Ukrainian studies in the Yenisei Siberia. Analysis of publications held by the characteristic stages of the evolution of the representation of topics and issues, and described some of the most important publications (I. Pryadko, E. Leontiev, A. Makarova et al.), highlighting their main provisions. It is emphasized that the most important factor for the understanding of these problems is the phenomenon of dualism of identity in the Ukrainian media. Problems of preservation of ethnic identity groups conventionally considered in the Eastern and Western Ukrainians. It is noted that it is absolutely not enough studied the flow of ethnic processes in groups deported Ukrainians (exiles and Exiles). Moreover, it is reasonable to consider the special settlers, not only as a group of victimization, but socioethnic community, capable of self-organization and consolidation of the local and regional level. The conclusion about the absence of a comprehensive study on the history of Ukrainian Resettlement and adaptation of Ukrainian immigrants in Siberia as a whole. The article notes that most of Ukrainians it is in line with general studies. therefore as a promising analyzed the task of creating a comprehensive study on the history of Ukrainians in Eastern Siberia, which should be comprehensive integrative nature of using opportunities of socio-cultural, ethno-social approaches, and the historical and ethnographic (for example, when analyzing the dynamics of adaptation of the most important components in the culture of life support) and psychological approaches. The problem is a comprehensive study of Ukrainian migration to Siberia, the analysis of adaptation options resettlement Ukrainian community, the processes of adaptation to the new conditions in the Ukrainian media through characteristic stages and forms of adaptation factors that influenced the development of the process, especially in comparison with other resettlement groups (comparative analysis) is shown as current. The consequence of the adaptation process of immigrants in Siberia, was the approval of an all-Russian identity, but the logic of complex analysis requires a specification and the process and the role of the factors that influence it.

REFERENCES

1. Pryadko, I.A. (1962) Iz istorii pereseleniya krest'yan v Eniseyskuyu guberniyu (80 gg. XIX v. – 1917 g.) [From the history of peasant resettlement in the Yenisei province (1880s–1917)]. In: *K izucheniyu ekonomiki Eniseyskoy gubernii kontsa XIX – nach. XX vv.* [Economics of the Yenisei province in the late 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing, pp. 202–229.

2. Pryadko, I.A. (1993) Nekotorye osobennosti pereseleniya i zemleustroystva v Eniseyskoy gubernii v nachale XX veka [Some peculiarities of the resettlement and land development in the Yenisei province in the early 20th century]. In: Grishaev, V.V. (ed.) *XX vek : istoricheskiy opyt agrarnogo osvoeniya Sibiri* [The 20th century: The historical experience of Siberian agricultural development]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 95-99.
3. Pryadko, I.A. (1994) Pereselenie i obustroystvo ukraintsev v Eniseyskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vekov [The resettlement of Ukrainians in the Yenisei province in the late 19th – early 20th centuries]. In: Gosteva, R.L. & Ruksha, G.L. (eds) *Etnosy Sibiri. Istoriya i sovremennost'* [Ethnicity in Siberia. History and modernity]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Cultural-Historical Museum Complex. pp. 174-180.
4. Pryadko, I.A. (1998) Ukraintsy v Sibiri : nekotorye voprosy pereseleniya, osobennosti kul'tury i byta ukrainskoy diaspory [Ukrainians in Siberia: Some issues of resettlement, peculiarities of culture and everyday life of the Ukrainian diaspora]. In: *Slavyanskiy mir na rubezhe vekov* [The Slavic world at the turn of the century]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 14-18.
5. Pryadko, I.A. (2005) Ukrainskaya diaspora v strukture naseleniya Prieniseyskogo kraia: istoricheskiy aspekt [The Ukrainian diaspora in the population of the Yenisei region: The historical aspect]. In: Ermekbaev, Zh. A. & Tolochko, A.P. (eds) *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey stran Sodruzhestva* [Traditions of economic, cultural and social ties of the Commonwealth Countries]. Omsk: Omsk State University. pp. 117-125.
6. Leont'ev, E.V. (2010) K istorii formirovaniya ukrainskogo naseleniya na yuge Prieniseyskogo kraia v XIX veke [To the history of formation of the Ukrainian population in the south of the Yenisei region in the 19th century]. *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya*. 6. p. 98.
7. Berezhnova, M.L. (ed.) (2002) *Russkie v Omskom Priirtysh'e (XVIII–XX vv.): Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Russians in Omsk Irtysh (the 18th – 20th centuries.): Historical and ethnographic essays]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist.
8. Leont'ev, E.V. (2010) Pereseleniya krest'yan yuga Eniseyskoy gubernii po materialam podatnoy revizii 1850 goda [Resettlement of peasants of the south of the Yenisei province according to the assessor audits in 1850]. *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya*. 6. pp. 101-103.
9. Bruk, S.I. & Kabuzan, V.M. (1980) Dinamika i etnicheskii sostav naseleniya Rossii v epokhu imperializma (konets XIX – 1917 g.) [The dynamics and the ethnic composition of Russia in the era of imperialism (the end of the 19th – 1917)]. *Istoriya SSSR*. 3. pp. 74-93.
10. Kabuzan, V.M. (1979) Zaselenie Sibiri i Dal'nego Vostoka v kontse XVIII – XX v. [Colonization of Siberia and the Far East at the end of the 18th – 20th centuries]. *Istoriya SSSR*. 3. pp. 22-38.
11. Karikh, E.V. (2009) Vostochnoslavjanskije narody v protsesse osvoeniya Sibiri [Eastern Slavic peoples in the process of Siberian colonization]. In: Bakhtina, O.N., Syrov, V.N. & Dutchak, E.E. (eds) *"Slavyanskiy mir" Sibiri: novye podkhody v izuchenii protsessov osvoeniya Severnoy Azii* [The Siberian "Slavic world": New approaches to the the processes of North Asia development]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 51-105.
12. Korovushkin, D.G. (2006) *Ocherki emokul'turnoy adaptatsii pozdnikh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri* [Essays about the ethno-cultural adaptation of the late migrants in Western Siberia]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography.
13. Miller, A.I. (2002) Rusifikatsiya: klassifikatsirovat' i ponyat' [Russification: To classify and understand]. *Ab imperio*. 2.
14. Rezun, D.Ya. (ed.) *Sibirskiy plavil'nyy kotel: sotsial'no-demograficheskie protsessy v Severnoy Azii XVI – XX veka* [The Siberian melting pot: The social and demographic processes in the North Asia in the 16th – 20th centuries]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
15. Tikhonov, B.V. (1978) *Pereseleniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX v. Po materialam perepisi 1897 g. i pasportnoy statistiki* [Migration in Russia in the late 19th century. According to the materials of the 1897 census and the passport statistics]. Moscow: Nauka.
16. Shilovskiy, M.V. (2005) Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri na rubezhe XIX–XX v. v sovremennoy istoriografii (1991–2004 gg.) [Ethno-social processes in Siberia in the 19th–20th centuries in modern historiography (1991–2004)]. In: Ermekbaev, Zh. A. & Tolochko, A.P. (eds) *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey stran Sodruzhestva* [Traditions of economic, cultural and social ties of the Commonwealth Countries]. Omsk: Omsk State University. pp. 30-48.
17. Lipin, A.M. (1994) *Slavyane na Dal'nem Vostoke: problemy istorii i kul'tury* [Slavs in the Far East: Problems of history and culture]. Yuzhno-Sakhalinsk.
18. Sherstova, L.I. (2003) Faktory obostreniya mezhetnicheskikh otnosheniy v Yuzhnoy Sibiri v nachale XX veka [Factors aggravating interethnic relations in Southern Siberia in the early 20th century]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 239-240.
19. Remnev, A.V. (2005) Slavyanskije narody kak kolonizatsionnyy resurs imperskoy politiki v Sibiri i na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX nachale – XX [Slavic peoples as the resource of imperial colonization policy in Siberia and the Far East in the late 19th – early 20th centuries]. In: Ermekbaev, Zh. A. & Tolochko, A.P. (eds) *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey stran Sodruzhestva* [Traditions of economic, cultural and social ties of the Commonwealth Countries]. Omsk: Omsk State University. pp. 30-48.
20. Kurtsev, A.N. (1999) Bezhtentsy pervoy mirovoy voyny v Rossii (1914–1917) [The refugees of the First World War in Russia (1914–1917)]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 98-113.
21. Utgof, V.S. (2003) *Belorusskie bezhtentsy Pervoy mirovoy voyny v 1914–1922 gg.* [Belarusian refugees of World War I in 1914–1922]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
22. Rafikov, R.G. (ed.) (2007) *Mezhetnicheskije svyazi Prieniseyskogo regiona: v 2-kh ch.* [Interethnic connections in the Yenisei region. In 2 vols]. Krasnoyarsk.
23. Brul', V.I. (1995) *Nemtsy v Zapadnoy Sibiri* [Germans in West Siberia]. Topchikha: Topchikha Typography.
24. Lotkin, I.V. (2003) *Pribaltiyskaya diaspora v Sibiri: istoriya i sovremennost'* [The Baltic diaspora in Siberia: History and modernity]. Omsk: Omsk State University.
25. Cherkaz'yanova, I.V. (2000) *Nemetskaya natsional'naya shkola v Sibiri (XVIII v. – 1938 g.)* [German national school in Siberia (The 18th – 1938)]. Moscow: OANRN.
26. Andyusev, B.E. (2004) *Traditsionnoe soznanie krest'yan-starozhilov Prieniseyskogo kraia 60-kh gg. XVIII – 90-kh gg. XIX v.: opyt rekonstruktsii* [Traditional consciousness of peasant-old-timers of the Yenisei Territory in the 1760s – 1890th centuries: Experience of reconstruction]. Krasnoyarsk: RIO KGPU.
27. Shelegina, O.N. (2005) *Adaptatsionnye protsessy v kul'ture zhizneobespecheniya russkogo naseleniya Sibiri v XVIII – nachale XX veka* [Adaptation processes in the life-support culture of the Russian population in Siberia in the 18th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Siberian Scientific Book.
28. Miller, A.I. (2007) Dualizm identichnostey na Ukraine [Dualism of identities in Ukraine]. *Otechestvennyye zapiski*. 1. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine>. (Accessed: 13th November 2014).
29. Zberovskaya, E.L. (2014) Special settlers from the Western Ukraine in the Krasnoyarsk Territory (1945 – early 1960): The process of sociocultural adaptation. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – The Bulletin of KrasGAU*. 5. pp. 250-254. (In Russian).
30. Makarova, A.B. (n.d.) *Eti imena dostoyno pamyati potomkov* [These names should remain in the memory of generations]. [Online] Available from: www.memorial.krsk.ru. (Accessed: 13th November 2014).
31. Makarova, A.B. (n.d.) *Noril'skoe vosstanie. May-avgust 1953 g.* [The Norilsk uprising. May–August, 1953]. [Online] Available from: www.memorial.krsk.ru. (Accessed: 13th November 2014).
32. Birger, V. (n.d.) *Obzor ssyl'nykh potokov i mest ssylki v Krasnoyarskom krae i respublike Khakasiya* [The flows of exiles and exile places in the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia]. [Online] Available from: www.memorial.krsk.ru. (Accessed: 13th November 2014).